

В.Л. Тамбовцев

д.э.н., профессор, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова (Москва)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИКИ: КАЧЕСТВЕННЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДЫ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу двух альтернативных подходов к изучению экономических институтов — методологиям качественных и количественных исследований. Анализ первой показывает, что задача исследования — выявление тех смыслов, которые люди придают своим действиям, в то время как задачей второй выступает выявление закономерностей связей институтов и различных сторон поведения. Институциональный анализ, проводимый на основе качественной методологии, основывается на неясных определениях институтов, лишённых операциональности, тогда как количественные исследования институтов опираются на строгие операциональные определения. В статье приводится порядок процедур как качественных, так и количественных исследований институтов, первый из которых предполагает получение данных преимущественно путём опроса информаторов, а второй — преимущественно посредством наблюдения за поведением. Соответственно, результатом проведения качественного исследования оказывается мѣтис — локальное опытное знание, которым обладают члены некоторого сообщества, тогда как результатом количественного исследования — обобщѐнное знание закономерностей, выражаемое подтверждёнными гипотезами. Полученные результаты сопоставления могут служить информацией для выбора исследователями методологии изучения экономических институтов.

Ключевые слова: качественные исследования, количественные исследования, смешанные методы, толстое понятие, операциональное определение, институциональный анализ, мѣтис.

JEL: B40, B50, C80

УДК: 303.01, 303.04, 330.101

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_45_55

© В.Л. Тамбовцев, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тамбовцев В.Л. Институциональный анализ экономики: качественные и количественные исследования и методы // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 45–55. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_45_55.

FOR CITATION: Tambovtsev V. Institutional analysis of economy: qualitative and quantitative research and methods // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 45–55. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_45_55.

Введение

В последние десятилетия институциональный анализ экономических процессов, явлений и систем получил широкое распространение. Однако не факт, что практик, увидев заголовок статьи, включающий интересующие его вопросы, сможет найти там те ответы, которые касаются важных для него проблем, предлагая реализуемые и действенные решения. Речь не о том, что не все публикуемые статьи имеют высокое качество, а о том, что они направлены на решение *разных* типов задач, поскольку могут относиться к несопадающим направлениям исследований, бытующим в социально-экономических науках.

Направленность исследований можно характеризовать по разным признакам, однако с точки зрения обобщѐнности их результатов и широты возможностей практиче-

ского применения наиболее значимым является разграничение *качественных* и *количественных* исследований. Понятия качественного и количественного используются, разумеется, не только по отношению к направлениям научных исследований, но и ко многим другим феноменам. В рамках обсуждаемой темы другое применение терминов — это качественные и количественные *методы* исследований. Эти понятия часто не отличают от качественных и количественных *исследований*, что приводит к некорректным высказываниям в дискуссиях.

Отмеченные моменты определяют задачи и структуру статьи. Её цель — выявить и обосновать значимость различий между качественными и количественными исследованиями, в первую очередь применительно к институциональному анализу в экономике. В следующем разделе будут представлены результаты такого сопоставления, далее — различия исследовательских методологий изучения институтов, опирающихся на методологии качественных и количественных исследований в социальных науках, а в заключительном разделе сформулированы основные выводы из проведённого сопоставления.

Качественные и количественные исследования: различия целей и задач

Концепция *качественных исследований* является результатом усилий большого числа философов — методологов социальных наук, нацеленных на обоснование того, что тот способ изучения общества, который фактически реализуется в большинстве книг и статей и разительно отличается от способов изучения природы, единственно адекватен в силу принципиальных различий объектов общественных и естественных наук (см., например, [Kaplan, 1964; Diesing, 1971])¹. В основу этого подхода были положены такие концепции, как символический интеракционизм [Becker, Geer, Hughes, Strauss, 1961], обоснованная теория (grounded theory, или «восхождение к теории») [Glaser, Strauss, 1967], этнометодология [Garfinkel, 1967] и триангуляция [Campbell, Fiske, 1959].

Как было подчеркнуто в [Newman, Ridenour, 1998. P. 2], «дебаты между сторонниками количественных и качественных исследований основаны на предположениях о том, чем является реальность и является ли она измеримой».

Философия качественного исследования исходит из тезиса, что реальность является социальной конструкцией, а само исследование должно обеспечить понимание того, почему люди ведут себя определённым образом, исходя из их собственных объяснений своих поступков. Философия количественного исследования иная: реальность существует объективно, и её анализ нацелен на проверку гипотез и теорий, которые логически вытекают из наблюдений на основе дедуктивных или индуктивных рассуждений. В этом количественные исследования близки к логике естественных наук, где разделяются те же цели анализа и философские предположения.

Очерченная вкратце философия качественных исследований, сформулированная в середине прошлого века, не претерпевает каких-либо ощутимых изменений и в наши дни. Так, в [Yilmaz, 2013. P. 312] качественное исследование характеризуется как «эмерджентный, индуктивный, интерпретативный и натуралистический [naturalistic] подход к изучению людей, случаев, феноменов, социальных ситуаций и процессов в их естественном положении [natural settings] для того, чтобы выявить термины, в которых описываются смыслы, применяемые [attach] людьми в своём переживании мира [experiences of the world]». Соответственно, количественная «альтернатива» — это «исследование, которое объясняет

¹ Применительно к экономической науке как части социальных наук эта концепция была описана в [Wilber, Harrison, 1978].

феномен в соответствии с числовыми данными, которые анализируются математическими, преимущественно статистическими методами» [Ibid. P. 311].

Итак, если количественные исследования нацелены на «сухую», «физикалистскую» цель проверки гипотез и выявления закономерностей, то качественные — на «возвышенный» поиск смыслов, которые люди обнаруживают в своих собственных действиях. Однако эта трактовка качественных исследований не решает для их сторонников такую важную для ученых проблему, как строгость получаемых результатов, далеко не всегда обеспечиваемую: «Исследователи давно спорят о том, как можно добиться строгости в качественном анализе» [Grodal, Anteby, Holm, 2021. P. 591]. По мнению авторов этого наблюдения, повысить строгость можно усилением внимания к корректной *категоризации* получаемых эмпирических данных, в первую очередь за счёт изучения опыта предшествующих качественных исследований.

Однако нельзя не обратить внимание и на то, что категоризация является не чем иным, как *номинальным измерением* [Stevens, 1946; Suppes, Zinnes, 1963]. Точнее говоря, категоризация действительно станет таким измерением, если будет осуществляться через разработку *операциональных* определений формируемых категорий. Напомню, что операциональными принято называть такие определения, которые обеспечивают возможность чётко идентифицировать содержание определяемого понятия, прежде всего путём указания на те операции, которые необходимо для этого совершить [Lundberg, 1942; Boring, 1945]. Значимость таких определений для повышения качества категоризации обусловлена тем, что без них при номинальном измерении вполне возможны *ошибки категоризации*, заключающиеся в отнесении измеряемого объекта не к тому значению шкалы [Anderson, 1991]. К сожалению, формулирование операциональных определений в значительной части социальных наук — весьма редкое явление. Интерес к тематике строгих определений имел место до возникновения концепции качественных исследований (см., например, [Stevens, 1935; Lundberg, 1942]), хотя уже в то время (применительно к социологии) было отмечено, что «способность произносить бессмыслицы, похоже, является особенно преобладающей в интеллектуальных кругах» [Alpert, 1938. P. 855]. Тем не менее до отмеченного выше момента этот интерес не утихал [Adler, 1947; Adler, 1950; Dahlström, 1951], однако в наше время стало возможным говорить о скором исчезновении строгих понятий в основном направлении (мейнстриме) социологии [Swedberg, 2017]².

Важная характеристика качественных исследований — устойчивое подчёркивание их сторонниками значительных трудностей или даже невозможности выявлять регулярности или закономерности в социальных системах в силу их сложности и неизмеримости большого числа их свойств [Bryman, 1984; Tobin, Begley, 2004]. Как подчеркнуто в [Lanka E., Lanka S., Rostron, Singh, 2021. P. 3]: «Качественное исследование стремится быть построенным на эпистемологической предпосылке, что психологические и социальные феномены по своей сути [inherently] сложны и переплетены до такой степени, что разделить их на измеримые переменные невозможно, в лучшем случае чрезвычайно сложно». Думается, что такая убеждённость в значительной мере основана на плохом знакомстве авторов с эмпирическими исследованиями в сфере познавательных способностей как животных, так и людей. Ещё около двух десятилетий назад было установлено, что мозг человека и его «братьев меньших» эволюционно устроен так, что независимо от нашей воли и сознания постоянно ищет (и находит! — правда, в том числе и ошибочно) регулярности в характеристиках воспринимаемых нашими органами чувств объектов, событий, процессов и т.п. [Turk-Browne, Junge, Scholl, 2005; Zhao, Al-Aidroos, Turk-Browne, 2013; Summerfield, de Lange,

² Справедливости ради нельзя не отметить, что в *психологии* интерес к разработке чёткого понятийного аппарата после появления концепции качественных исследований не утихал [Skinner, 1984; Rosenwald, 1986; Feest, 2005; Slife, Wright, Yanchar, 2016; Hibberd, 2019]. Более того, было выделено пять десятков понятий психологии и психиатрии, не рекомендованных к использованию [Lilienfeld et al., 2015].

2014]. Другими словами, то, что объявляется «невозможным, в лучшем случае чрезвычайно сложным», в реальности автоматически и «эволюционно бессознательно» [Bargh, Huang, 2014] осуществляется нашим мозгом. Почему такие действия полагаются невозможными для социальных исследователей — остаётся только гадать.

Какие же знания об окружающем нас социальном мире дают возможность выявить качественные исследования, проводимые в чётком соответствии с разработанной для этого методологией? Поскольку их основной результат — те смыслы, которые люди придают совершаемым действиям в различных ситуациях, то совокупность получаемых знаний достаточно точно можно охарактеризовать как *мётис* (metis). Этим термином в [Scott, 1998. P. 174] охарактеризованы практические знания, порождаемые опытом решения различных задач и адаптируемые к изменениям тех ситуаций, в которых эти задачи возникают и решаются. Другими словами, это *локальное прикладное* знание, нацеленное на преодоление проблем, с которыми люди сталкиваются в своей жизни³. *Обобщение* таких знаний, т.е. выход за пределы конкретной ситуации и формирование *теоретической модели*, связывающей значимые факторы, принимаемые решения и их последствия, методологи качественных исследований считают, как было отмечено выше, сложной или вообще нерешаемой задачей для «качественных исследователей». И действительно, ведь именно *количественные* исследования позволяют строить проверяемые и адаптирующиеся теории, т.е. обобщённые модели объектов, связи их свойств и изменений, в том числе динамические, и т.п. Тем самым, получение в рамках качественных исследований таких знаний, которые могли бы стать полезными для индивидов, действующих *вне* изученной местности или конкретной организации, означало бы «нарушение границ» качественных исследований и переход на «недружественную территорию» естественных наук.

Преодоление подобных трудностей, созданных философской методологией качественных исследований, может стать результатом использования так называемых «смешанных методов» (mixed methods), представляющих сочетание в одном исследовании некоторого объекта способов его изучения, использующих как качественные, так и количественные (числовые) данные [Greene, Caracelli, Graham, 1989; Johnson, Onwuegbuzie, 2004; Johnson, Onwuegbuzie, Turner, 2007]. Важно, однако, подчеркнуть, что характер получаемых в результате знаний зависит не столько от применяемых данных и методов их обработки, сколько от *целей исследования*: являются ли ими смыслы, которые индивиды приписывают своим действиям, либо закономерности и/или регулярности происходящих процессов и явлений (событий). Замечу также, что само выделение смешанных методов как отдельного методического подхода присуще именно качественным исследованиям, поскольку для количественных исследований соединение качественных и количественных методов является общим местом. Ведь перед представлением математической модели и результатов её анализа обычно всегда дается качественное, словесное описание изучаемого объекта, его свойств и т.п. Формулирование и обсуждение качественных выводов — также типичная заключительная фаза анализа. Поэтому встречающиеся суждения о том, различие между качественными и количественными исследованиями проблематично (см., например, [Allwood, 2012]) затруднительно считать корректными: дело не в методах, а в целях, которые ставятся перед действиями по изучению объектов.

³ Нельзя не отметить, что методы исследования, производящего *мётис*, могут быть полезными для проведения *социальной работы* [Padgett, 1998], которая, как известно, является работой с конкретными людьми в конкретных ситуациях.

Исследовательские методологии институционального анализа

В последние два-три десятилетия институциональный анализ в экономике осуществляется в рамках около десяти исследовательских программ, которые, несмотря на различия в самоназваниях, являются вариантами двух основных подходов к изучению институтов — оригинальной (или старой) институциональной экономической теории (ОИЭТ) и новой институциональной экономической теории (НИЭТ) [Тамбовцев, 2021a]. Методологические основания этих подходов таковы, что говорить о возможностях их интеграции в единую институциональную экономическую теорию не приходится [Тамбовцев, 2021b]. Поэтому полезно сразу подчеркнуть, что в этой статье институт трактуется в рамках понимания этого термина Д. Нортом, одним из создателей НИЭТ, как «множество ограничений поведения в форме правил и регуляций, множество процедур обнаружения отклонений... и, наконец, множество... норм, которые ограничивают способы, которыми правила и регуляции специфицируются и принуждаются к исполнению» [North, 1984. P. 8]. Другими словами, институты — это правила поведения в определённых условиях в единстве с механизмами принуждения к их исполнению.

Альтернативные трактовки, которые даются в рамках ОИЭТ, многообразны, поэтому приведу три: 1) «Институты — слово, которое эволюционные (институциональные) экономисты используют для обозначения регулярного, запрограммированного поведения людей в обществе, и ценностей, ассоциирующихся с этими регулярностями. Для определения институтов и отдельного института используются различные выражения: образ действий, который становится автоматической привычкой; коллективное действие для контроля за индивидуальным действием; широко распространённые, высоко стандартизированные социальные привычки; образ мысли и действия, запечатлённый в групповых привычках или обычаях; предписанные программы согласованного поведения» [Neale, 1994. P. 402]; 2) «...мы можем определить институты как системы установленных и преобладающих (prevalent) социальных правил, которые структурируют социальные взаимодействия» [Hodgson, 2006. P. 2]; 3) «...институты — это социальные структуры, которые достигли высокой степени жизнестойкости (resilience) и составлены из культурно-когнитивных, нормативных и регуляторных элементов, которые, вместе с ассоциированными действиями и ресурсами, обеспечивают стабильность и смысл социальной жизни» [Scott, 2008. P. 48]. Нетрудно убедиться, что установить по этим определениям однозначно, что в обществе и экономике является институтом, а что — нет, затруднительно, если вообще возможно.

Между тем, если для теоретических текстов такая расплывчатость не только приемлема, но и весьма удобна, так как позволяет сколь угодно долго рассуждать о чём-то, не формулируя ясно, о чём именно, то для эмпирических исследований требуется большая определённость, что обуславливает необходимость наличия процедуры идентификации института как объекта изучения. Такая процедура описана в уже цитированной статье У. Нила [Neale, 1994. Pp. 402–403] и предполагает следующие действия: а) наблюдение за поведением людей в различных ситуациях и выявление различных регулярностей (повторяемостей); б) характеристика обнаруженных регулярностей как следствий наличия правил, которые руководят действиями, т.е. фактически выдвижение гипотезы о существовании некоторого правила; в) беседы с людьми, в чьём поведении обнаружены повторяемости, для выявления их народных воззрений (folkviews), ценностей и убеждений, которыми они объясняют и/или оправдывают свои действия. Тем самым, «доказательством существования института является регулярность в действиях людей и их ответы на вопросы о том, что они делают» [Op. cit., P. 404].

Такой подход сталкивается, как минимум, с двумя проблемами. Во-первых, у информаторов могут быть основания для того, чтобы скрывать причины их действий, например, если, по их мнению, последние нарушают общепринятые в сообществе правила, либо

потому, что эти правила, согласно убеждениям членов сообщества, не подлежат раскрытию чужакам. Во-вторых, поведение может быть повторяемым не по социальным, а по естественным причинам: например, люди регулярно питаются, но говорить о существовании «института питания» вряд ли имеет смысл, хотя критерий существования института, сформулированный У. Нилом, при этом выполняется.

Иной подход к процедурам выявления институтов, отвечающий НИЭТ, был предложен в [Тамбовцев, 2020]. Речь в нём идёт о *неформальных* институтах, которые отличаются от формальных тем, что в них принуждение к исполнению правил реализуется не специализирующимися на этих действиях индивидами, получающими за свой труд заработную плату, а любым индивидом, считающим, что данному правилу нужно следовать. У неформальных институтов, кроме того, обычно отсутствуют тексты, в которых фиксируются входящие в них правила и механизмы их инфорсменты, в то время как у формальных институтов такие тексты обычно имеются. Поэтому исходная процедура идентификации неформальных институтов, как и в подходе У. Нила, — это наблюдение за поведением людей и выявление повторяемости в их действиях. Однако исследователю нужно обнаруживать не только регулярности, но то, что происходит с людьми, ведущими себя не так, как все, т.е. *отклоняющимися* от более распространённого типа поведения. Если такого рода несоответствия не вызывают никаких негативных реакций со стороны тех членов сообщества, которые его видят (от изменения выражения лица и критических взглядов до прямых замечаний в виде слов и жестов), то нестандартное поведение явно не оценивается окружающими как нарушение какого-то института, т.е. гипотетический институт, который обеспечивал бы более часто повторяющееся поведение большинства, не существует. Напротив, если «уклонисты» вызывают такие реакции, то мы явно имеем дело с некоторым неформальным институтом.

Следующий этап институционального анализа — выявление *структуры* обнаруженного института. Поскольку приведённое выше определение, сформулированное Д. Нормом, характеризуют два основных компонента — правило и механизм обеспечения его исполнения, то структура изучаемого института должна раскрывать их содержание. Тем самым, в неё включаются: а) формулировка правила в его логической форме «если находишься в ситуации А, делай Б»; б) описание того, кто является адресатом этого правила, т.е. кто именно должен делать Б; в) описание санкций, которыми наказываются нарушители.

После выявления (исходя из наблюдений) этих элементов, их корректность *может* быть проверена путём опроса потенциальных адресатов (информаторов). Такой опрос имеет смысл производить исключительно для экономии времени и усилий исследователя, т.е. он не является одним из необходимых его действий (в отличие от процедур, описываемых У. Нилом). Более того, не следует забывать о том, что ответы информаторов могут быть неточными и неправдивыми (см. выше).

Заключительный этап изучения выявленного института — это его экономический анализ, т.е. оценка затрат и выгод от следования ему как адресатов, так и гарантов, а также выявление экономических последствий самого существования и действия института. На этом этапе основой является также наблюдение, в то время как опрос может применяться для проверки правильности полученных выводов. Ведь и затраты, и выгоды вряд ли могут иметь фиксированную денежную оценку, они касаются преимущественно таких сторон жизни людей, как непосредственное получение/неполучение удовольствия, ожидание сохранения/несохранения сложившихся отношений с членами сообщества и т.п. Отмеченные моменты могут получить и косвенную денежную оценку со стороны исследователя, однако вряд ли такие оценки делают для себя адресаты/гаранты института.

Важной составной частью анализа выступает оценка *качества* выявленного института, т.е. уровня его легитимности [Тамбовцев, 2021d]. Следование тому или иному институту, в том числе неформальному, можно объяснить одной из двух причин: во-первых, стремлением максимизировать получаемое удовлетворение (удовольствие, полезность), а во-вторых, желанием

минимизировать ожидаемые издержки. В первом случае институт, которому решает следовать его адресат, оценивается им как качественный, как тот, который и должен существовать и действовать. Во втором случае адресат не считает институт качественным, но он существует, хотя, по мнению адресата, не должен существовать. В таких условиях, следуя нелегитимному институту, адресат принял своё решение, поскольку, сопоставив издержки от выполнения требований правила с издержками, которые он может получить, нарушив его, находит, что первые меньше вторых. Поэтому по *наблюдаемому* уровню исполнения требований некоторого института нельзя сделать корректного вывода о степени его легитимности, здесь необходимы опросы адресатов по специально разработанному опроснику, описанному нами [Там же].

Таким образом, очерченные различия между трактовками институтов в ОИЭТ и НИЭТ находят своё отражение и в методологиях их изучения. Нельзя не отметить, что приёмы качественного исследования институтов представлены в литературе достаточно широко (кроме приведённых выше работ см. также [Schneiberg and Clemens, 2006; George Mwangi, Bettencourt, 2017]). Кроме них, нельзя не упомянуть статью Д. Скарбека, где автор подверг критике «простое» определение институтов Д. Норта, утверждая, что оно препятствует изучению их качественных свойств: «Даже если мы смотрим на институты просто как на “правила игры”, это открывает широкий круг их возможных значимых атрибутов. Институты могут варьировать в разных отношениях, включая ранжирование от правового до неправового, от формального до неформального, от централизованного до децентрализованного, от гибкого до жёсткого, от постоянного до временного, от хрупкого до устойчивого и антихрупкого [antifragile]. Хорошее описание института должно часто быть многогранным и многомерным... Часто бывает невозможно аккуратно или точно измерить вариации этих свойств. Взятые вместе, эти вопросы свидетельствуют о сложности или невозможности свести толстые понятия⁴, подобные институту, к простым количественным мерам без утраты ключевой [сrucial] части их смысла» [Skarbek, 2020. P. 410].

В этих рассуждениях перепутаны два разных вопроса: об определении института и о его свойствах. Ведь продуктивное определение призвано решить одну задачу, а именно, позволить отделять институты от не-институтов. Если выявлен объект, соответствующий определению, это вовсе не означает, что одновременно *ipso facto* выявлены и все его свойства. Ведь последние могут значительно колебаться у разных элементов множества, которым является содержание понятия, причём у каких-то элементов некоторые свойства могут просто отсутствовать, а у других — иметься в наличии. В нашем случае «худоба» (thin) понятия институт, используемого в НИЭТ, в противовес «толстому понятию» (thick concept) института в ОИЭТ и социологии (и многих других социальных науках) никак не связаны с разнообразием свойств институтов, которые обнаруживаются при их изучении как в первой, так и в других исследовательских программах. Насколько разнообразным может быть измерение свойств «просто определённых» институтов ясно показано в [Тамбовцев, 2021с]. Поэтому приведённое выше утверждение Д. Скарбека о невозможности сведения «толстого понятия» института к простым количественным мерам без утраты его смысла просто неверно.

Что же касается обобщающего описания техники количественного институционального анализа, то в этой области публикаций практически нет, хотя работы по моделированию влияния институтов на различные стороны экономики, в особенности — экономический рост, представлены в весьма большом числе. С моей точки зрения, это обусловлено тем, что основой для соответствующих исследований выступают различные измерители национальных и региональных *совокупностей* экономических институтов⁵, позволяющие

⁴ О понятии «толстого понятия» см. [Eklund, 2011; Van der Weele, 2021].

⁵ Вопрос о том, измеряют ли эти индикаторы экономические институты или нечто иное, обсуждается в [Тамбовцев, 2021с].

проводить масштабное эконометрическое моделирование, в то время как для отдельных институтов такого рода индикаторов нет. Соответственно, если подобные измерения осуществляются, то оказываются результатом значительных усилий отдельных исследователей, как правило, не ставящих перед собой задачи разработки обобщающей методологии. Поскольку упомянутые интегральные индикаторы за достаточно длительные периоды времени легко доступны, в то время как проведение измерений для отдельных институтов требует значительных усилий, неравномерное распределение внимания исследователей между макро- и микроуровнем моделирования институтов вполне понятно. Для качественных исследований институтов ситуация прямо противоположная: на микроуровне они вполне осуществимы для отдельных исследователей, и даже макроэкономический качественный анализ не требует масштабных усилий по созданию каких-либо новых баз данных, но требуют чтения большого числа локальных качественных институциональных исследований для обобщения.

Выводы

Проведённый анализ и сопоставление методологий качественных и количественных исследований институтов в экономике показывает, что эти направления нельзя считать дополняющими или, тем более, заменяющими друг друга. Они различаются не столько методами, сколько целями их проведения и, как следствие, типами получаемых в результате знаний. При строгом следовании методологии качественных исследований будет производиться мѣтис (т.е. знание, отражающее практический опыт решения проблем участниками локальных сообществ), который вряд ли сможет найти применение за их пределами. Качественные исследования, также при строгом следовании их методологии, будут приносить обобщѣнное знание, отражающее проверенные (и подтверждённые) гипотезы о связанности или не связанности различных свойств объектов изучения. Такого вида знание может распространяться на связи других объектов, схожих с элементами тех выборок, на которых проверялись гипотезы. Разумеется, если различия объектов велики, обобщѣнное знание для своего применения может потребовать конкретизации и уточнения, но вряд ли радикального характера. Напротив, мѣтис в разных сообществах может различаться именно радикально.

Одна из черт различий качественных и количественных исследований — отношение их сторонников к строгости и операциональности используемых и вводимых понятий. В методологии качественных исследований неясность и расплывчатость понятий считается нормой, поскольку сложность изучаемых объектов, по их мнению, затрудняет или делает просто невозможным выявление регулярностей и закономерностей [Lanka E., Lanka S., Rostron, Singh, 2021]. Однако определение понятия и изучение его содержания — разные когнитивные процессы, практически не связанные друг с другом. Это означает, что «предпочтения неясности» имеют иные основания, чем сложность изучаемых социальных феноменов. Исследования процессов коммуникации с использованием естественного языка [Blume, Board, 2014; Beauchêne, Li J., Li M., 2019; Suzuki, 2023] показывают, что использование неясности (ambiguity или vagueness) может иметь намеренный стратегический характер, поскольку позволяет избегать конфликта. Действительно, в нашем случае появление публикации с неясными понятиями даёт основания её читателям писать и публиковать собственные статьи с комментариями и обсуждением, что повышает цитируемость прочитанной работы и тем самым в целом выгодно всей совокупности авторов в той институциональной среде науки, которая является преобладающей в последние десятилетия.

В количественных исследованиях преобладают строгие операциональные определения понятий, что обуславливается самими их аналитическими процедурами, прежде всего

стремлением измерять свойства изучаемых феноменов. Разумеется, неясность здесь также имеет место, особенно в рамках перехода от содержательных понятий к их модельному выражению, однако эта тематика выходит за рамки данной статьи и заслуживает специального исследования.

В целом же представленный анализ, демонстрирующий основные черты методологий качественных и количественных исследований, даёт исследователям, особенно начинающим, некоторую информацию, способную оказаться полезной для более обоснованного выбора того, какой из этих методологий следовать.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Тамбовцев В.Л. (2020). Методология эмпирического анализа неформальных институтов [Tambovtsev V.L. (2020). Methodology for empirical analysis of informal institutions] // *Journal of Institutional Studies*. Т. 12. № 3. С. 6–23. <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.3.086-099>
- Тамбовцев В.Л. (2021a). Институционализмы в экономической науке: что стоит за их разнообразием? [Tambovtsev V. L. (2021a). Institutionalisms in economics: What are behinds their variety?] // *Journal of Institutional Studies*. Т. 13. № 1. С. 20–36. <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.1.86-99>
- Тамбовцев В.Л. (2021b). Возможна ли единая институциональная экономическая теория? [Tambovtsev V.L. Is unified institutional economics possible?] // *Вопросы экономики*. № 1. С. 33–51. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-33-51>
- Тамбовцев В.Л. (2021c). Измерение институтов: что бы это значило? [Tambovtsev V.L. (2021c). Measuring institutions: What is behind this?] // *Журнал экономической теории*. Т. 18. № 2. С. 197–211. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-2.3.
- Тамбовцев В.Л. (2021d). Качество институтов: проблемы определения и оценки [Tambovtsev V.L. The quality of institutions: Problems of definition and evaluation.] // *Вопросы экономики*. № 7. С. 49–67. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-49-67
- Adler F. (1947). Operational Definitions in Sociology // *American Journal of Sociology*. Vol. 52. No. 5. Pp. 438–444.
- Adler F. (1950). Quantitative Systems of Sociology // *Journal of the Arkansas Academy of Science*. Vol. 3. Is. 1. Pp. 85–92.
- Allwood C.M. (2012). The distinction between qualitative and quantitative research methods is problematic // *Quality & Quantity*. Vol. 46. No. 5. Pp. 1417–1429. DOI: 10.1007/s11135-011-9455-8.
- Alpert H. (1938). Operational Definitions in Sociology // *American Sociological Review*. Vol. 3. No. 6. Pp. 855–861.
- Anderson J.R. (1991). The adaptive nature of human categorization // *Psychological Review*. Vol. 98. No. 3. Pp. 409–429. DOI: 10.1037/0033-295X.98.3.409.
- Bargh J.A., Huang J.Y. (2014). The evolutionary unconscious: From 'selfish genes' to 'selfish goals' // *Sydney symposium of social psychology. Motivation and its regulation: The control within* / J.P. Forgas, E. Harmon-Jones (Eds.). — New York: Psychology Press. Pp. 35–54.
- Beauchêne D., Li J., Li M. (2019). Ambiguous persuasion // *Journal of Economic Theory*. Vol. 179. Pp. 312–365. DOI: 10.1016/j.jet.2018.10.008.
- Becker H.S., Geer B., Hughes E. & Strauss A.L. (1961). *Boys in White*. — New Brunswick: University of Chicago Press.
- Blume A., Board O. (2014). Intentional vagueness // *Erkenntnis*. Vol. 79. Pp. 855–899.
- Boring E.G. (1945). The use of operational definitions in science // *Psychological Review*. Vol. 52. No. 5. Pp. 243–245. <https://doi.org/10.1037/h0054934>
- Bryman A. (1984). The debate about quantitative and qualitative research: A question of method or epistemology? // *British Journal of Sociology*. Vol. 35. No. 1. Pp. 78–92. DOI: 10.2307/590553.
- Campbell T.T., Fiske D.W. (1959). Convergent and discriminant validation by the multivariate-multimethod matrix // *Psychological Bulletin*. Vol. 56. Is. 2. Pp. 81–105.
- Dahlström E. (1951). Some Aspects of Quantitative Verification in Sociology // *Theoria*. Vol. 17. Is. 1–3. Pp. 27–38.
- Diesing P. (1971). *Patterns of Discovery in the Social Sciences*. — New York: Routledge.
- Eklund M. (2011). What are Thick Concepts? // *Canadian Journal of Philosophy*. Vol. 41. No. 1. Pp. 25–49.
- Feest U. (2005). Operationism in psychology: What the debate is about, what the debate should be about // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. Vol. 41. No. 2. Pp. 131–149.
- Garfinkel H. (1967). *Studies in Ethnomethodology*. — Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- George Mwangi C.A., Bettencourt G. (2017). A Qualitative Toolkit for Institutional Research // *New Directions for Institutional Research*. Vol. 2017. Is. 174. Pp. 11–23.
- Glaser B.G., Strauss A. (1967). *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. — New York, NY: De Gruyter.
- Greene J.C., Caracelli V.J., Graham W.F. (1989). Toward a conceptual framework for mixed-method evaluation designs // *Educational Evaluation and Policy Analysis*, Vol. 11. No. 3. Pp. 255–274. DOI: 10.3102/01623737011003255.

- Grodal S., Anteby M., Holm A.L. (2021). Achieving rigor in qualitative analysis: The role of active categorization in theory building // *Academy of Management Review*. Vol. 46. No. 3. Pp. 591–612. DOI: 10.5465/amr.2018.0482.
- Hibberd F.J. (2019). What is Scientific Definition? // *Journal of Mind and Behavior*. Vol. 40. No. 1. Pp. 29–52.
- Hodgson G.M. (2006). What Are Institutions? // *Journal of Economic Issues*. Vol. 40. No. 1. Pp. 1–25.
- Johnson R.B., Onwuegbuzie A.J. (2004). Mixed methods research: A research paradigm whose time has come // *Educational Researcher*. Vol. 33. Is. 7. Pp. 14–26.
- Johnson R.B., Onwuegbuzie A.J., Turner L.A. (2007). Toward a Definition of Mixed Methods Research // *Journal of Mixed Methods Research*. Vol. 1. No. 2. Pp. 112–133.
- Kaplan A. (1964). *The Conduct of Inquiry: Methodology for Behavioral Science*. — San Francisco: Chandler Publishing
- Lanka E., Lanka S., Rostron A., Singh P. (2021). Why we need qualitative research in management studies // *Revista de Administração Contemporânea*. Vol. 25. No. 2. article e200297. DOI: 10.1590/1982-7849rac2021200297.en.
- Lilienfeld S.O., Sauvigné K.C., Lynn S.J., Cautin R.L., Lutzman R.D., Waldman I.D. (2015). Fifty psychological and psychiatric terms to avoid: A list of inaccurate, misleading, misused, ambiguous, and logically confused words and phrases // *Frontiers in Psychology*. Vol. 6. article 1100 DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01100.
- Lundberg G.A. (1942). Operational definitions in the social sciences // *American Journal of Sociology*. Vol. 47. No. 5. Pp. 727–745. DOI: 10.1086/219004.
- Neale W.C. (1994). Institutions. In: Hodgson G., Samuels W. and Tool M. (Eds.). *The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics*. — Aldershot: Edward Elgar. Vol. 1. Pp. 402–406.
- Newman I., Ridenour C. (1998). *Qualitative-quantitative research methodology: Exploring the interactive continuum*. — Carbondale, IL: Southern Illinois University Press.
- North D.C. (1984). Transaction Costs, Institutions, and Economic History // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 140. No. 1. Pp. 7–17.
- Padgett D.K. (1998). *Qualitative Methods in Social Work Research: Challenges and Rewards*. — Thousand Oaks: Sage.
- Rosenwald G.C. (1986). Why operationism won't go away: Extra-scientific incentives of social-psychological research // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 16. Is. 3. Pp. 303–330.
- Schneiberg M., Clemens E.S. (2006). The Typical Tools for the Job: Research Strategies in Institutional Analysis // *Sociological Theory*. Vol. 24. No. 3. Pp. 195–227.
- Scott J.C. (1998). *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. — New Haven, CT: Yale University Press.
- Scott W.R. (2008). *Institutions and Organizations: Ideas and Interests*, 3rd edn. — Thousand Oaks: Sage.
- Skarbek D. (2020). Qualitative research methods for institutional analysis // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 16. Is. 4. Pp. 409–422. DOI: 10.1017/S174413741900078X.
- Skinner B.F. (1984). The operational analysis of psychological terms // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 7. No. 4. Pp. 547–581.
- Slife B.D., Wright C.D., Yanchar S.C. (2016). Using operational definitions in research: A best-practices approach // *Journal of Mind & Behavior*. Vol. 37. No. 2. Pp. 119–140.
- Stevens S.S. (1935). The operational definition of psychological concepts // *Psychological Review*. Vol. 42. No. 6. Pp. 517–527.
- Stevens S.S. (1946). On the theory of scales of measurement // *Science*. Vol. 103. No. 2684. Pp. 677–680. DOI: 10.1126/science.103.2684.677
- Summerfield C., de Lange F.P. (2014). Expectation in perceptual decision making: Neural and computational mechanisms // *Nature Reviews Neuroscience*. Vol. 15. Pp. 745–756. DOI: 10.1038/nrn3838.
- Suppes P., Zinnes J. (1963). Basic measurement theory. In: D. Luce, R. R. Bush, E. Galanter (eds.). *Handbook of mathematical psychology*. Vol. 1. — Chichester: John Wiley & Sons. Pp. 3–76.
- Suzuki T. (2023). Endogenous ambiguity and rational miscommunication // *Journal of Economic Theory*. Vol. 211. Article 105686.
- Swedberg R. (2017). On the near disappearance of concepts in mainstream sociology. In: Leiulfsrud H. & Sohlberg P. (Eds.). *Concepts in Action: Conceptual Constructionism*. — Leiden: Brill. Pp. 23–39.
- Tobin G.A., Begley C.M. (2004). Methodological rigour within a qualitative framework // *Journal of Advanced Nursing*. Vol. 48. Is. 4. Pp. 388–396.
- Turk-Browne N.B., Junge J.A., Scholl B.J. (2005). The automaticity of visual statistical learning // *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 134. No. 4. Pp. 552–564. DOI: 10.1037/0096-3445.134.4.552.
- Van der Weele S. (2021). Thick Concepts in Social Research: What, Why, and How? // *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 20. Pp. 1–11. DOI: 10.1177/16094069211066165.
- Wilber C., Harrison R. (1978). The methodological basis of institutional economics: Pattern model, storytelling, and holism // *Journal of Economic Issues*. Vol. 12. No. 1. Pp. 61–89.
- Yilmaz K. (2013). Comparison of quantitative and qualitative research traditions: Epistemological, theoretical, and methodological differences // *European Journal of Education*. Vol. 48. No. 2. Pp. 311–325. DOI: 10.1111/ejed.12014.
- Zhao J., Al-Aidroos N., Turk-Browne N.B. (2013). Attention is spontaneously biased toward regularities // *Psychological Science*. Vol. 24. No. 5. Pp. 667–677. DOI: 10.1177/0956797612460407.

Тамбовцев Виталий Леонидович

tambovtsev@econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev

Doctor of Sciences (Economics), professor, Chief Researcher, faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

tambovtsev@econ.msu.ru

INSTITUTIONAL ANALYSIS OF ECONOMY: QUALITATIVE AND QUANTITATIVE RESEARCH AND METHODS

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of two alternative approaches to the study of economic institutions — qualitative and quantitative research methodologies. Analysis of the first shows that the task is to identify the meanings that people attach to their actions, while the task of the second is to identify regularities of connections between institutions and various aspects of behavior. Institutional analysis conducted on the basis of qualitative methodology is based on vague definitions of institutions that lack operationalization, while quantitative studies of institutions rely on strict operational definitions. The article outlines the procedures for both qualitative and quantitative research on institutions, the first of which involves obtaining data primarily through interviewing informants, and the second, primarily through observation of behavior. Accordingly, the result of a qualitative research is *metis* — local experiential knowledge possessed by members of a certain community, while the result of a quantitative study is a generalized knowledge of regularities expressed by confirmed hypotheses. The obtained comparison results can serve as information for researchers to select a methodology for studying economic institutions.

Keywords: *qualitative research, quantitative research, mixed methods, thick concept, operational definition, institutional analysis, metis.*

JEL: B40, B50, C80.